

Вопрос об определении этнических территорий — один из наиболее сложных в теории национальных отношений, и помня о старых спорах, авторам следовало бы проявить большую осторожность. Видимо, надо сначала договориться о критериях выделения этнической территории. Действительно, в одном случае, как видно из вышеприведенной цитаты, к молдавской этнической территории безоговорочно относятся и те районы Бессарабии, где удельный вес молдаван был невелик по сравнению с немолдавским населением, а в другом случае, в этническую территорию включаются некоторые районы Украины, поскольку в них имеется молдавское население (с. 55).

Сделанные на отдельных страницах книги, и прежде всего, в ее первой главе, выводы относительно общего и особенного в формировании молдавской буржуазной нации, несколько выходят за рамки обозначенной темы. В этом одно из достоинств книги. И, думается, если возникает вопрос относительно повторного ее издания, то желательно было бы первую главу поместить не в начале, а в конце книги. Дело в том, что здесь как бы заранее «задаются» отдельные выводы, которые затем в последующих главах раскрываются на конкретном материале.

Так, в первой главе интеллигенции отводится одна из главных ролей в формировании нации, поэтому во втором параграфе третьей главы следовало бы осветить этот вопрос полнее, а не ограничиваться несколькими фразами о наличии интеллигенции.

Кроме того, целесообразно было бы уделить больше внимания и вопросу о формировании буржуазии, ее национальном составе, показать какими капиталами она располагала, размах ее предпринимательской деятельности и т. д. К числу достоинств первой главы относится и то, что в ней, в отличие от многих других исторических работ, затронутая тема не закрывается, а открывается для новых исследований. Это еще один аргумент в пользу того, чтобы завершить ею книгу.

Следующий шаг в исследовании проблем формирования буржуазной нации состоит в том, чтобы перейти от анализа одной нации к общесоциологическим, историко-культурным, языковым и психологическим аспектам формирования буржуазных наций в более широком хронологическом и географическом континууме. На очереди рассмотрение широкого круга национальных проблем в связи с генезисом капитализма и сменой феодальных отношений капиталистическими: этнодемографическими, этносоциальными, этнокультурными, этноязыковыми и этнопсихологическими процессами в связи с классовой борьбой и национально-освободительным движением народов. Особенно много в этом направлении сделал в последние годы Институт славяноведения и балканистики АН СССР, предпринявший ряд работ по изучению формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе на примере польского, чешского, словацкого, венгерского, сербского, болгарского и румынского народов¹. Видимо, аналогичные сравнительные исследования имеет смысл осуществлять и на примере многих народов нашей страны.

В рецензируемой работе сделан шаг к типологическим сопоставлениям за пределами одной нации. И именно это обстоятельство — выявление и постановка новых задач, наряду с уже решенными, делает рецензируемую книгу полезной и необходимой. Вне всякого сомнения, она привлечет к себе благожелательное внимание специалистов.

М. Н. Губогло

¹ См., напр., ряд историографических обзоров в книгах: «Основные проблемы балканистики в СССР», М., 1979; «Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований». М., 1979.

А. В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979, 213 с., карта.

Вышедшая в издательстве Ленинградского университета книга А. В. Гадло посвящена исключительному важному периоду истории народов Северного Кавказа — второй половине I тыс. н. э., когда на территории между Азовским и Каспийским морями шло образование первых крупных этнополитических объединений, с которыми многие современные народы этой области связаны непосредственной генетической преемственностью.

Широко используя разнообразные источники — письменные, археологические, фольклорные, лингвистические, этнографические, автор впервые анализирует этническую историю не отдельных народов, а народов всего северокавказского региона в целом. Такой подход к проблеме позволяет ему сделать вывод, особенно актуальный в наше время в условиях неуклонно расширяющегося процесса сближения народов Северного Кавказа. «В течение второй половины I тыс. н. э., — утверждает автор, — Северный Кавказ не оставался в стороне от того пути, по которому шло развитие других регионов Старого Света» (с. 210), и «несмотря на исключительную сложность и напряженность» его политической истории, основным направлением этнических процессов в регионе было стремление населявших его общностей к усилению межэтнических связей, к политической и социальной интеграции (с. 5). Эта мысль буквально пронизывает книгу и делает ее созвучной современности, хотя в ней повествуется о событиях, хронологически весьма удаленных от наших дней.

В общем процессе развития межэтнических связей, которому, как подчеркивает А. В. Гадло, сопутствовало усиление связей внутриэтнических, он выделяет три последовательных хронологических этапа: конец IV—V в., VI—конец VII в., VIII—первая половина X в. Эти этапы соответствуют намечаемой им периодизации социально-экономического развития Северного Кавказа, где в течение исследуемого периода совершался переход «от последних этапов доклассовой формации к формации раннеклассовой и построению раннефеодального государства в рамках всего региона» (с. 5).

В соответствии с предложенной им периодизацией автор делит книгу на три раздела. Первый раздел содержит анализ этнополитической ситуации, сложившейся на Северном Кавказе после миграции на его территорию гуннов, т. е. в конце IV—V в. Здесь А. В. Гадло подробно рассматривает известия о народах Северного Кавказа, содержащиеся в латинских и греческих, армянских и грузинских источниках. Ему удается убедительно показать, что сведения Аммиана Марцеллина, Приска Панийского, Иордана и др. рисуют картину не внезапного, как это обычно полагают, вторжения гуннов в юго-восточную Европу, а широкого, шедшего в течение продолжительного времени переселения политических слабо связанных общностей, имевших различные культурно-хозяйственные уклады: «лесных охотников и скотоводов степи» (с. 17). Это, как полагает автор, создало благоприятную ситуацию для последующей интеграции пришельцев и аборигенов.

Возникновение первого политического объединения разноэтнических общностей Северного Кавказа автор относит к 90-м гг. IV в., когда северокавказские гунны совершили крупное вторжение в Переднюю Азию. Для характеристики этого события автор привлекает не использованный ранее в этой связи источник — свод грузинских летописей «Картлис цховреба». Он вполне логично доказывает, что в начальной части свода под этнонимом «хазары» скрываются не скифы, как это традиционно считалось ранее, а гунны-акациры, игравшие в течение V в. в Предкавказье значительную политическую роль (с. 25).

К рубежу IV—V вв. А. В. Гадло относит также перемещение к горам ираноязычных групп, обитавших до вторжения гуннов в северокавказской степи (с. 27). Следует особо подчеркнуть, что он не противопоставляет ираноязычных кочевников-аланов тюркоязычным кочевникам-гуннам, как это принято в кавказоведческой литературе, а находит убедительные свидетельства в пользу интеграции близких по типу хозяйства разноэтнических групп (с. 48). В связи с этим интересно предположение о том, что племя барсиллов, игравшее заметную роль в степи в V—VII вв., было по своему происхождению не пришлым гуннским, а местным сармато-аланским (с. 44, 62—68).

Тщательный разбор письменных источников (Египте, Фавстос Бузанд, Мовсес Хоренаци, Приск Панийский, Иордан и др.), повествующих о политических событиях V в., в которых принимали участие племена Северного Кавказа, дает основание А. В. Гадло наметить локализацию главных этнополитических объединений, сложившихся к концу этого столетия в северокавказской степи и в предгорьях. Среди этих объединений он особо отмечает две общности — в дальнейшем они сыграли ведущую роль в истории Кавказского региона — болгар и хазар. Первую А. В. Гадло рассматривает, как часть обитавшей к северу от Кубани конфедерации оногуров, вторую — как часть обитавшей к северу от Кумы конфедерации барсиллов. К сожалению, в связи со слабой изученностью археологических памятников IV—V вв., особенно в зоне степи, автор только в весьма ограниченных пределах может подкрепить свои выводы вещественными источниками. Отсутствие археологических материалов является ощутимым пробелом, но можно надеяться, что рецензируемая работа даст толчок к новым исследованиям, более интенсивным поискам памятников и более внимательному их изучению.

Во втором разделе А. В. Гадло анализирует сведения о населении Северного Кавказа VI—VII вв. (Прокопий Кесарийский, Агафий Мирянейский, Менадр Протиктор, Феофилакт Симокатта, Иоанн Малала, Псевдо-Захария Метиланский, Феофан Исповедник, Никифор, ал-Баладори, ат-Табари, ал-Якуби, Ибн-ал-Асир, Анания Ширкаци, Мовсес Каганкатвази и др.). Он прослеживает, как постепенно в северокавказской степи и предгорьях (источники, к сожалению, почти не содержат известий о горных районах) складывается сначала ряд крупных этнополитических образований (утигуры, кутригуры, савиры, барсилы, огоры, аланы и др.), возглавляемых сильно-аристократической верхушкой, а затем происходит их частичная консолидация и образование Оногуро-Булгарского союза, который с начала VII в. и до 70-х гг. этого века был господствующим объединением Северокавказского региона.

Здесь автор вновь обращается к затронутому в первой главе вопросу о локализации тех этнонимов, которые сохранили письменные источники, и приводит ряд новых обоснованных толкований их. Так, например, барсиллов он локализует в северной части Предкавказья в противовес сстоящемуся мнению об их связи с Приморским Дагестаном (с. 62—68). Территорию савиров он расширяет на запад до низовий верхних притоков Терека (с. 87—90). Область расселения племенной общности болгар располагалась, по его мнению, не на Азовском побережье, как считалось ранее, а на территории Ставропольской возвышенности, откуда, как полагает А. В. Гадло, после падения конфедерации утигуров и савиров болгары продвинулись в западном и восточном направлениях — к Тамани и к Каспию (с. 113).

В свете развернувшейся в настоящее время дискуссии о локализации «хазарских городов» (с. 119) очень интересны выводы А. В. Гадло о значении термина «баланджар»

арабских источников. Этот термин многие исследователи склонны рассматривать как название одного из ранних городов Хазарии. Однако автор присоединяется к мнению А. Я. Гаркави, который указывал, что этот термин нельзя толковать как имя реально существовавшего хазарского города, и полагает, что «...под именем Баланджар в VI—VII вв. понималась широко северокавказская степь от Дербенда на север до мифической стены Гога и Магога» (с. 125).

Наряду с удачными и развернутыми толкованиями этнической и топонимической номенклатуры источников нельзя не отметить также просчеты автора. Приведем два примера. Так, рассматривая сведения Менандра о маршруте, по которому византийское посольство, возглавляемое Зимархом, пробиралось через Кавказ, А. В. Гадло отождествляет названную в источнике «Даринскую дорогу» с Дарьялом (с. 100). Такое отождествление, на наш взгляд, требует более широкой аргументации и критики существовавшей ранее гипотезы, согласно которой «Даринская дорога» — это путь из степи по долине Поджумка на Рим-гору и оттуда к Клухорскому перевалу. Дополнительной аргументации требует также отождествление автором впервые упоминаемых Ибн-Русте этнонимов тулас и лугар соответственно с родовым именем оногуров — болгар Дуло и этнонимом венгров — мегер (с. 118).

С большим интересом в этой части книги читается раздел, посвященный исследованию легенды о происхождении кутригуров и утигуров (с. 77—80), а также связей этих конфедераций с Византией (с. 80—86). Благодаря вдумчивому анализу, автору удается за скупыми строками византийских источников увидеть хозяйственно-бытовой уклад северокавказских кочевников, эволюцию их общественного строя, и их взаимоотношения. Общим итогом этого анализа является бесспорное утверждение о том, что «в течение VI в. на Северном Кавказе явно обозначились тенденции к возникновению крупных племенных союзов (конфедераций)... Они представляли конгломераты родо-племенных объединений, во главе которых стояла военная аристократия, стремившаяся превратить свою власть в наследственную» (с. 106).

В качестве примеров таких союзов автор рассматривает Оногуро-Булгарскую конфедерацию (Великую Булгарию) в степном Предкавказье и так называемое «царство гуннов» в Приморском Дагестане. Весьма существенно, что за традиционными наименованиями этих образований автор видит их сложный этнический состав. Так, говоря о Великой Булгарии, он отмечает вероятность аланского происхождения возглавлявшего конфедерацию рода Дуло (с. 117, 118), а исследуя религиозные верования и ономастику «царства гуннов», приходит к обоснованному выводу о том, что в составе этого образования «собственно гуннский (тюркский) элемент растворялся в ираноязычном окружении и поглощался древним аборигенным населением» (с. 152).

На фоне социально-экономических и этнических явлений, которые отчетливо прослеживаются в процессе становления Оногуро-Булгарской конфедерации и «царства гуннов», А. В. Гадло рассматривает и вопрос об образовании Хазарского каганата, ставшего с 70-х гг. VII в. главной политической силой на Северном Кавказе. Он полагает, что Каганат возник в результате социального переворота, имевшего место внутри хазарского племенного объединения в 20-х гг. VII в. (с. 130). Возвышение Хазарии он связывает с двумя политическими обстоятельствами: союзом Хазарии и Алании против Оногуро-Булгарского объединения, владевшего северокавказской степью, и ослаблением последнего вследствие столкновений с войсками Арабского халифата в 50-е гг. VII в. В составе Хазарского каганата автор так же, как и в составе других политических образований этого периода, видит разнородные этнические группы и справедливо обращает на это особое внимание читателя (с. 128, 129, 136). Рассматривая процесс образования Хазарского каганата, А. В. Гадло высказывает мнение о локализации древних центров Хазарии (с. 202, 203), отличное от общепринятого.

Третий раздел книги характеризует этнополитическую ситуацию, сложившуюся на Северном Кавказе в VIII—X вв., в период включения его территории в состав Хазарской державы. В начале этого раздела автор дает краткий, но довольно обстоятельный очерк борьбы народов Северного Кавказа с экспансией Халифата, в ходе которой и произошло возвышение Хазарии. Обзор арабских источников, повествующих о событиях на Кавказе в VIII в., приводит А. В. Гадло к весьма важному и правильному, на наш взгляд, выводу о том, что расширение политической гегемонии хазар на Северном Кавказе следует рассматривать как проявление центростремительных тенденций, издавна действовавших в рамках региона. Эти тенденции с особой энергией проявились в период экспансии, когда после разгрома Оногуро-Булгарского объединения, Хазария, опиравшаяся на союз с Аланией, стала единственной реальной силой, способной противостоять возросшему натиску Халифата (с. 169, 170). Такой вывод представляет интерес для решения проблем не только этнической истории северокавказского региона, но и происхождения аланского лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры в Донецко-Донском междуречье. Не исключена возможность, что именно политическое сближение хазар и алан привело к переселению в середине VIII в. некоторых аланских племен (в связи с возросшей плотностью населения в предгорных районах Северного Кавказа, что археологически хорошо фиксируется) в Донецко-Донское междуречье на северо-западную окраину Хазарии.

Завершается третий раздел обзором источников, содержащих данные для характеристики Азово-Каспийского региона в период политического возвышения Каганата. С присущей автору скрупулезностью здесь анализируются сведения арабских, персид-

ских, грузинских, византийских, русских и др. источников, а сделанные на основе этого выводы сопоставляются с археологическими материалами.

В результате проведенного исследования А. В. Гадло приходит к выводу, что в политических границах Хазарского каганата в течение VIII—X вв. не были утрачены специфические культурные признаки отдельных крупных этнических общностей — адыгов, алан, оногуро-булгар, автохтонных групп Дагестана. Хазарская держава представляла собой вариант классической «лоскутной империи» раннего средневековья, в рамках которой только зарождались предпосылки для хозяйственного, культурного и этнического единения. Собственно хазарская этническая общность в этот период, как отмечает А. В. Гадло, «выступала в виде политической надстройки над другими общностями Северного Кавказа. ... Не имея стимула к интенсификации собственного хозяйства, она постепенно замыкалась в узких границах своей племенной территории» (с. 211). Политическая и этническая изоляция хазар привела в конечном итоге к крушению их гегемонии. Однако длительный период существования в составе сильного централизованного государства не прошел для народов Северного Кавказа бесследно, и «на развалинах Хазарской державы, рухнувшей, подобно другим раннефеодальным политическим образованиям эпохи средневековья, поднялись новые объединения, основой хозяйства которых были развитое стабильное земледелие и скотоводство, относительно более однородный этнический состав и теснее связанная с основной массой населения политическая надстройка» (с. 212). Это были «царства» Серир в горах Дагестана, Джидан в Приморском Дагестане и Аланское в центральной части Предкавказья.

Книга А. В. Гадло представляет сложное многоплановое исследование, в котором, наряду с обоснованием общей оригинальной концепции этнического развития Северного Кавказа в целом содержится немало интересных выводов по частным вопросам и гипотез. Неожиданность и дискуссионность некоторых из них не снижают ее ценности. Не разрушают общего положительного впечатления и отдельные неточности и мелкие огрехи, которые иногда встречаются в тексте, в аппарате и в легенде к карте.

Наиболее существенными недостатками книги являются отсутствие в ней специального историографического очерка, чрезвычайная сжатость разделов, посвященных археологическим источникам, перегруженность приложенной к работе карты. Однако вполне вероятно, что эти просчеты вызваны жесткими условиями издания.

Исследование А. В. Гадло по праву займет заметное место в советском кавказоведении.

Г. Е. Афанасьев

Н. А. Миненко. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979, 350 с

Монография Н. А. Миненко о крестьянской семье Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. представляет собой комплексное историко-этнографическое исследование. В центре внимания автора — строй семьи, внутренние взаимоотношения в ней, ее хозяйственная деятельность и связь с общиной. Круг вопросов, освещенных автором в исследовании, позволяет наиболее полно охарактеризовать семью как первоначальную экономическую ячейку феодального общества.

Работа базируется главным образом на архивном материале, разнохарактерном по своему содержанию, что потребовало от автора различного подхода и методики обработки. Демографический облик западносибирской семьи Н. А. Миненко дает по документам учета населения: ревизским сказкам и книгам — переписным, дозорным, метрическим, рекрутским, выявляя наиболее достоверные источники для реконструкции семьи. Хозяйственные занятия, семейные обряды и внутренние взаимоотношения она раскрывает по судебно-следственным делам, делопроизводственным материалам местных учреждений и крестьянских выборных органов. В дополнение к этим документам привлекаются этнографические описания 40-х годов XIX в., которые появились как ответ на анкету Отделения этнографии РГО. Столь широкая документальная основа в сочетании с законодательными актами и опубликованными материалами стала залогом плодотворного раскрытия темы.

В историографическом обзоре Н. А. Миненко отдает должное дореволюционным работам, в которых содержится обширный фактический материал о семейном быте и нравах крестьян, о свадебном, родильно-крестильном и поминальном обрядах. Вместе с тем она отмечает концептуальную слабость этих работ, их тенденциозность, предвзятость и необъективность выводов. Автор последовательно на протяжении всей монографии вскрывает несостоятельность дореволюционной литературы в определении общей численности семьи и количества женщин в крае, в вопросах взаимоотношения супругов, форм заключения браков и др.

В советской историографии, как показывает Н. А. Миненко, внимание было сосредоточено прежде всего на строе сибирской семьи и ее эволюции, были прослежены роль семьи в сохранении и межпоколенной передаче трудовых крестьянских традиций и ее место в сельской общине. Из семейных обрядов наиболее основательно рассмотрен свадебный. В сибиреведческой литературе строй семьи изучается как один из ком-